

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.005

СПЕЦИФИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ

Э. Т. Гутиева

Статья посвящена сравнению типов словообразования с помощью отрицательных формантов в осетинском, русском и английском языках. Сопоставительный анализ позволяет выделить в качестве отличительных особенностей осетинского словообразования: малую продуктивность префиксального словообразования именных частей речи, по сравнению с двумя другими рассматриваемыми языкам; ограниченную продуктивность отрицательных словообразовательных формантов, в следствии чего, в языке фиксируется малое число однокорневых антонимических пар. Установлено, что в группе наиболее частотных прилагательных в осетинском и английском языках наблюдается ограниченная префиксальная продуктивность и преобладание разнокорневых антонимов, по данному признаку данные языки могут быть противопоставлены русскому, в котором приставка не- обладает практически неограниченной валентностью. Корреляция между частотностью употребления и неспособностью к отрицательной префиксации отмечена в осетинском и английском языках, в осетинском языке эта закономерность распространяется и на менее частотные прилагательные, тогда как в английском есть выраженная контрастность по данному признаку между самыми частотными и остальными группами лексем. Отмечается некоторая резистентность к эрозии отрицательно маркированных слов, что проявляется в отсутствии немаркированных производящих основ. Деривационная антонимия сопровождается семантической асимметрией между некоторыми однокоренными единицами. Фиксируется регулярность отрицания положительного признака в осетинском, в английском это также прослеживается, что нерелевантно для русского языка, где отрицательная деривация носит абсолютный характер и не зависит от коннотации производящей основы. Для осетинского языка предлагается исчерпывающая номенклатура отрицательных формантов и уточнение их статуса. Приводятся языковые аргументы для выделения хронологических слоев деривации с помощью препозитивных формантов, непродуктивных в настоящее время.

Ключевые слова: словообразование, префиксация, отрицательный формант, осетинский язык, словообразовательная валентность префикса, русский язык, английский язык.

Для цитирования: Гутиева Э. Т. Специфика словообразовательной валентности отрицательных формантов // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 48 (87). С. 108-128. DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.005

В осетинском языке словообразование именных частей речи с помощью отрицательных элементов имеет ряд специфических особенностей, обсуждать кото-

рые и в теоретическом, и в практическом отношении важно в сравнительно-сопоставительном ключе. В данном случае, степень генетического родства между тремя рассматриваемыми языками – северо-восточно-иранским осетинским, восточнославянским русским и западногерманским английским – имеет принципиальное значение, так как полилингвальное описание нацелено на выявление зон схождения и расхождения для представителей разных групп индоевропейской семьи языков. При внутригрупповом сравнении близкородственных языков фиксируется преобладание черт сходства деривационных закономерностей, хотя между ними имеются «и существенные различия, как-то: несовпадение значимости идентичных словообразовательных типов в деривационных системах языков; может не совпадать и функциональная нагруженность идентичных формантов, их распределение по родовым классам, степень продуктивности» [1, 72].

Отдельные вопросы осетинского словообразования подвергались бинарному сопоставлению [2; 3], полилингвальному сравнению с различными языками [4; 5].

Вопросам словообразования с помощью препозитивных формантов уделено внимание в целом ряде работ. Более подробному анализу подвергаются превербы, их номенклатура, семантика, их видовое значение в работах, посвященных изучению особенностей глаголов осетинского языка [6; 7], тогда как при анализе словообразовательных моделей именных частей речи большее внимание уделяется средствам суффиксации [8], что пропорционально количеству суффиксальных производных и словообразовательной продуктивности суффиксов в осетинском языке. В работе Л. Л. Зеленской данная диспропорция отражена в статистическом выражении 50 к 4 [5]. На современном этапе развития осетинского языка именная префиксация не является

активным деривационным процессом, стадии продуктивности отдельных отрицательных формантов, возможно, приходились на различные исторические периоды, к настоящему времени некоторые производные могли быть утрачены.

В фокусе исследовательского интереса в данной работе статус отрицательных препозитивных словообразовательных формантов, их специфика, валентность, отличия от свойств подобных формантов в других языках.

В предваряющей монолингвальной части описания следует отметить различия между осетиноведами по принципиальным вопросам. Так, А. Шегреном, В. И. Абаевым отрицательное словообразование рассматривается как специфический тип словосложения, т.к. препозитивные форманты рассматриваются как «наречия», отрицательные частицы, «негативы», «привативы», «предложные частицы», представленные либо в краткой форме *æ-*, либо в полной *æнæ-*. [9, 26; 10].

Другие ученые компоненты *æнæ-* и *æ-* квалифицируют как словообразовательные префиксы: «разæфтунтæ *æнæ*, *æ-*» [11]. Соответственно, подобные конструкции не приводятся в разделе «Словосложение» среди подробно описываемых типов композитов, но перечисляются в разделе «Образование имен прилагательных с помощью приставок», приставки *æ-*, *æнæ-*, по мнению авторов, одинаковы по значению, образуют качественные прилагательные от существительных, в том числе и от отглагольных имен.

Приведенные прямо противоположные выводы о характере словообразовательных моделей сделаны не только на материале одного языка, но и исходят из одной презумпции – форманты-негативы, в более ранних работах квалифицируемые как частицы, в более поздних – как префиксы, являются алломорфами.

Мы предлагаем рассматривать форманты *æ-*, *æн-* в отдельной категории, в связи с чем их не следует характеризовать как краткую форму или усеченный вариант *æнæ-*. Основаниями для такого допущения являются факторы разного характера. Во-первых, есть основания допускать хронологическое предшествование деривации с помощью *æ-*, *æн-*, что проявляется в фонетических изменениях, сопровождающих данные процессы. Также их больший исторический возраст подтверждает немотивированность некоторых отдельных основ, которые в качестве свободных корней претерпевали эрозию или архаизацию, а в составе отрицательно маркированных производных подверглись фоссилизации. Во-вторых, реализованный словообразовательный потенциал выше у лексем, у которых вычленяется формант *æ-* или *æн-*. В третьих, сравнение семантики отрицательных формантов свидетельствует об определенных различиях между *æ-*, *æн-*, с одной стороны, и *æнæ-*, с другой стороны.

Инициальное некорневое *æ-* с отрицательным значением возможно категоризировать как когнат альфа привативум в осетинском языке. Экспонент *æ-* регулярно фиксируется в исконных словах в качестве препозитивного форманта и отрицает содержание второго элемента словообразования: *æгъатыр* «беспощадный, безжалостный, жестокий» от *хатыр* «прощение, извинение, милость, льгота, пощада», *æгуыст* «безработный, праздный» от *куыст* «работа» [12, 333, 332; 13, 102; 14, 418]. В отдельных случаях *æ-*, присоединяясь к основе прилагательного, образует аффиксальный антоним производящей основы: *æдзардхуыз* «убогий, бедный, невзрачный», *æдзæстуарзон* «недоброжелательный, недружественный», *æдзæттæ* «неподготовленный, неготовый, незрелый, неспелый» [12, 352, 354, 355].

В процессе присоединения *æ-* происходит озвончение инициального согласного корня, что позволяет считать данный тип словообразования морфологическим средством. Любой глухой инициальный согласный корня, оказавшись в результате деривации в интервокальной позиции, меняется на свой звонкий коррелят: – *ф->-в-*: *æвæтк* > *фæтк*, *æварн* > *фарн*, – *к->-г-*: *æгад* > *кад*, – *д->-т-*: *æдас* > *тас*, – *дз->-ц-*: *æдзæрæг* > *цæрæг*. У спиранта *-х-* в русском языке нет парного звонкого, тогда как осетинский согласный сходного качества имеет коррелят *-гъ-*, – *гъ->-х-*: *æгъæдзар* > *хæдæзар* [12, 334].

Не отмечено озвончения *-н-*, таких исконных слов с начальным *п-* немного, т. к. регулярным рефлексом общеиндоевропейского *-п-* является осетинское *--ф-*, оно, как было указано выше, подвергается изменениям.

В соответствии с закономерностями функционирования форманта альфа привативум в древних языках (в древнегреческом и в санскрите), если отрицаемое слово начинается с гласного, то альфа привативум обычно становится политоническим. Данная закономерность регулярно прослеживается в осетинском языке – *æн-ад*, *æн-азым*, *æн-аив*, *æн-аккаг*, *æн-амонд*, *æн-ауæрдон*, что позволяет считать *æн-* политоническим вариантом *æ-*.

В данной редакции, алломорфами следует считать *æ-* и *æн-*, которые, на наш взгляд, представляют наиболее ранний способ отрицательного словообразования, непродуктивность их в настоящее время представляется обусловленной их возрастом.

Представление о хронологических слоях деривации дает сравнение фонетических изменений и семантических объемов продуктов деривации с отрицательными формантами одних и тех же основ. Лексемы *æнæ-фæд* и *æ-вад* содержат

в своей структуре один и тот же корень *фæд*- «след». В результате прибавления форманта *æнæ*- образуется прилагательное *æнæ-фæд* со значением «бесследный, незаметный» [12, 473]. Синонимичным ему является прилагательное *æ-вæд*, в семантическом объеме которого также «не оставивший следов, бесследный, нехоженный», кроме того у последнего развиваются семы «не оставивший потомства, бездетный, бесплодный, свежий» [12, 288]. Слово *æвæд* со словообразовательным элементом *æ*- представляется более возрастным, ввиду изменений качества согласного на морфемном шве – озвончение корневого *-ф*- в интервокальной позиции, чего не происходит в случае *æнæ-фæд*; кроме того, семантически *æвæд* более объемное слово за счет развития у него переносного значения; также у него свое деривационное гнездо: *æвæдæй* «бесследно, без потомства», *æвæддзинад* «бездетность», *æвæдлаг* «мужчина, не имеющий потомства», *æвæдон* «бездетный, бесплодный, без потомства».

Кроме того, у слов с *æ*- наряду с семантической объемностью регулярно отмечается большой синтагматический потенциал. Так, прилагательное *æбæрæг* «неизвестный, неопределенный, неясный, смутный, загадочный» может выступать атрибутивом при словах со значением «ответ», «возраст», «сила», «голос», «лицо», «воины», «ночь», «печаль», «причины», «судьба, счастье», «движение», «мгла, пелена», «мир», «гнев, обида», «стремления» и т. д., тогда как *æнæбæрæг* «неопределенный, неизвестный» имеет более ограниченную сочетаемость: «место», «вид» [12, 284, 431].

Некоторые параллельные формы с различными отрицательными формантами лексикографируются как равноценные варианты: *æнæ-аипп* и *æн-аипп* приводятся в одной словарной статье в значении «без недостатка, без изъяна, безупречный» [12, 426].

В ряде примеров можно констатировать относительную синонимичность производных, потому, что в случае параллельной деривации с помощью различных формантов имеет место семантическая дивергенция.

Так, *æнæ-аккаг* «несоответствующий, несоразмерный», буквально, лишенный соответствия. В отличие от него производное с политоническим привативом *æн*- имеет выраженную отрицательность: *æн-аккаг* «нетерпимый, неприличный, недостойный, пошлый, аморальный, пакостный, подлый, низкий, безобразный, несоответствующий».

Обсуждая семантику подобных парных дериватов, следует оперировать термином каритивность, «лишительность» для производных с элементом *æнæ*-. В этой связи вызывает несогласие вывод Л. Л. Зеленской о том, что аспекты реверсивности и каритивности нерелевантны для осетинского языка, тем более, что автор и сам приходит к заключению о том, что осетинское *æнæ*- можно считать словообразовательным средством выражения категории каритивности, отличным от образований с приставкой *без-/бес*- в русском языке, и от аффиксальных английских с помощью *-less* [5].

Фонетическое чередование, семантическая объемность, развитость деривационного гнезда, словообразовательная валентность, синтагматические характеристики производных слов, отдельно взятые, безусловно, не являются маркерами возраста словообразовательных формантов, однако доказательность каждого отдельного признака повышается в случаях их комплексной фиксации.

По всей вероятности, следует дифференцированно подходить и к типам производящих основ, участвующих в словообразовательной модели и в качестве второго элемента.

В тех случаях, когда *æнæ*- присоединяется к основе прилагательного, можно

констатировать бесспорную префиксацию по морфологическим и семантическим характеристикам сопоставляемых слов: *æнаæуæздан* «неблагодарный, невежливый» > *уæздан* «благодарный, вежливый, учтивый, деликатный».

Аналогичным образом следует рассматривать деривацию адъективированных неличных форм, например, глагола *сæттын* «ломать, разбивать, усмирять, покорять»: *æнаæсæтгæ* (буквально, *не-ломающийся*): «непреклонный, непокорный, неукротимый, непослушный», *æнаæсаст* (буквально, *не-поломанный*) «нерасколотый, неразбитый, несломанный, невспаханный, непокорный, непокоренный». Возможно, словообразование происходит одновременно с или непосредственно после адъективации причастия или других неличных глагольных форм. Глубина такой адъективации обусловлена временными факторами. Так, в «Основах иранского языкознания» ряд прилагательных считается развитием адъективированных иранских причастий [15, 63], таким образом, установить раннюю адъективацию, например, осетинского *раст*- «правильный», которая, по мнению В.И. Абаева, имела место уже в общеиндоевропейский период [16, 350-352] можно только диахронически или при сопоставлении с другими иранскими языками, т.к. связь с соответствующей глагольной основой в современном осетинском не представляется очевидной, ввиду чего *раст* воспринимается как прилагательное первой степени деривации, в отличие от приведенного выше *саст* «поломанный».

Тот факт, что *æнаæ*-, присоединяясь к существительным, меняет частеречную принадлежность основы, осложняет однозначную атрибуцию данного экспонента: *æнаæцæсгом* «бессовестный», буквально: *без-лицо\без-совесть*, *æнаæбар* «бесправный» буквально: *без-право*. Таким образом, результатом деривации

существительного становится качество или признак. Проблема при описании характеристик осетинских лексем обусловлена прозрачностью и проницаемостью границ между определенными морфологическими разрядами, отмечаемыми как специфическая черта осетинского языка, что не позволяет переносить на него закономерности других языков [10, 108; 17].

Относительно производных слов с существительными в качестве производящей основы, следует учитывать то обстоятельство, что в современном осетинском языке всего 2 предлога: *æд* «с» и *æнаæ* «без». Все остальные предлоги грамматикализовались еще на предшествующих стадиях языкового развития и выделяются только при морфологическом анализе или при ретроспективном рассмотрении некоторых композитов. В подобных композитах тоже отмечены существительные с нулевой флексией после предложных формантов в препозиции: «во всех таких сложных словах в первой части мы имеем старые предлоги, которые срослись с управляемыми словами... [10, 281]. Тенденции к лексикализации, де-аффиксации данных «старых предлогов иранского происхождения» не обнаруживается, несмотря на то, что их значение в составе композитов остается семантически вполне определенным и выраженным. На этом фоне выделяются экспоненты *æнаæ*- и *æд*-, которые используются в настоящее время как в качестве предлогов, так и в качестве словообразовательных формантов, кроме того, *æнаæ*- - единственный потенциально продуктивный элемент с отрицательным значением.

Формант *æнаæ*- можно считать полупрефиксом, либо предполагать омонимию префикса *æнаæ*- и предлога *æнаæ*- как элемента словосложения, различительным признаком можно считать тип производящей основы и результат деривации.

Существуют различные подходы к количеству отрицательных словообразовательных формантов осетинского языка, а не только к их атрибуции.

По нашему мнению, исчерпывающий список отрицательных препозитивных элементов выглядит следующим образом: альфа привативум *æ-*, его политонический вариант *æн-*, полупривативный элемент *æнæ-*, отрицательный префикс *нæ-* для словообразования отглагольных форм,

ни- префикс местоимений и наречий, *ма-* также для наречий и местоимений, но в оппозитиве, также *ма-* выделяется в составе двух именных производных, что может свидетельствовать либо об архаизации других подобных образований, либо о единичности его валентности для образования существительных и прилагательных.

Проблемы русского и английского отрицательного словообразования достаточно подробно рассмотрены в теоретических работах [18, 19; 20, 21], лексикографированы в огромном количестве словарей [22, 23]. Через призму осетинского материала можно остановиться на некоторых вопросах.

Ни в осетинском, ни в английском нет единицы, сопоставимой с отрицательным префиксом *не-* русского языка, обладающим практически неограниченной валентностью. Данным обстоятельством обусловлена высокая степень деривационной антонимии в русском языке. В английском языке также большое количество деривационных антонимов, вследствие продуктивности целого ряда аффиксов (*a-*, *de-*, *dis-*, *in-* в различных вариантах, *mis-*, *non-*, *in-*), кроме того, в ряде случаев имеются более одного отрицательно маркированного антонима одной производящей основы. Осетинские отрицательные форманты *æ-*, *æн-*, *æнæ-*, *ма-*, *ни-*, *нæ-* имеют ограниченные продуктивность и валентность, пред-

определяя немногочисленность и закрытость списка аффиксальных антонимов.

Принципиальный характер имеет не столько абсолютный количественный показатель, сколько распределение аффиксальной антонимии по частотным группам. В русском языке частотность прилагательного не существенна для его способности к отрицательной деривации.

В отличие от русского языка, основные самые употребительные прилагательные английского и осетинского языков не имеют аффиксальных антонимов, они образуют только разнокорневые антонимические пары. Например, оппозиция *хороший: плохой* в русском языке может иметь вид *хороший: худой*, *хороший: дурной* [22, 307-308]. Но она также может быть представлена с помощью семантической литоты *не-плохой: плохой*, либо *хороший: не-хороший*.

В двух других рассматриваемых языках нет морфологических средств выражения подобных отношений. У английских слов *good*, *bad* нет деривационных антонимов **ungood*, **unbad* [24]. А в осетинском языке даже в качестве окказионализмов не отмечено отрицательно маркированных производных от эквивалентных осетинских лексем *дзæбæх/хорз*, *æвзæр* [25].

Высокочастотные прилагательные имеют развитую семантику, образуют многочисленные синонимические ряды, входят в оппозиционные отношения с целым рядом лексем. Из имен прилагательных «Частотного словаря русского языка» [26] был сформирован список наиболее распространенных слов, обозначающих признаки, свойственные человеку, животным и предметам, из разных лексико-семантических групп прилагательных.

В таблице 1 анализируется префиксальная антонимия в группе высокочастотных прилагательных в рассматриваемых языках.

Таблица 1.

Аффиксальные антонимы

	русск. прилагательное	префиксальный антоним	англ. прилагательное	префиксальный антоним	осетинск. прилагательное	префиксальный антоним
1	большой	не-большой	big		дынджыр	∅
2	высокий	не-высокий	high	∅	бæрзонд	∅
3	главный	не-главный	main	∅	сæйраг	∅
4	глухой	не-глухой	deaf	∅	къуырма	∅
5	горячий	не-горячий	hot	∅	тæвд	∅
6	громкий	не-громкий	loud	unloud ^{редк}	хъæрæй	∅
7	длинный	не-длинный	long	∅	даргъ	∅
8	легкий	не-легкий	easy	uneasy	æнцон	∅
9	маленький	не-маленький	small	∅	гыццыл	∅
10	молодой	не-молодой	young	∅	æвзонг	∅
11	ошибочный	неошибочный безошибочный	wrong	unwrong ^{редк}	рæдыд	∅
12	низкий	не-низкий	low	∅	ныллæг	∅
13	плохой	не-плохой	bad	∅	æвзæр фыд	∅ æвыд
14	свободный	не-свободный	free	unfree nonfree	сæрибар	∅
15	сильный	не-сильный бессильный	strong	unstrong	тыхджын	æдых
16	старый	не-старый	old	∅	зæронд	∅
17	тихий	не-тихий	quiet	unquiet	сабыр	∅
18	холодный	не-холодный	cold	∅	уазал	∅
19	хороший	не-хороший	good	ungood ^{редк}	дзæбæх	∅
20	черный	не-черный	black	nonblack ^{терм.}	сау	∅

В представленной в таблице выборке абсолютно все русские прилагательные имеют префиксальные антонимы, а в некоторых отдельных случаях даже более одного: неошибочный/безошибочный, несильный/бессильный, что позволяет констатировать более чем стопроцентную деривационную антонимию в данной группе в русском языке – 110%.

В английской части списка у 12 прилагательных из 20 не фиксируются антонимы, но статистическое соотношение 60% на 40% не дает должного представления о природе префиксации в данной группе. В меньшей мере, это обусловлено тем, что, как и у приведенных выше

русских примеров, у слова может быть более одного префиксального образования: *unfree* (несвободный) *nonfree* (платный).

Только в паре *easy: uneasy* можно говорить о «равноправии» статуса маркированного слова и его позитивного варианта. В остальных случаях следует констатировать выраженную функционально-стилистическую и семантическую узость маркированных единиц. Так, *nonblack* – употребляется как технический или узкоспециальный термин естественных наук, либо имеет значение для расовой классификации как, например, и антонимичное ему *nonwhite*.

В паре *heavy: unheavy* отмечена асимметричная оппозиция, т. к. вместо ожидаемого значения *не-тяжелый развивается значения «нездоровый, вредный».

Прилагательное *unwrong* не фиксируется рядом словарей, а в Википедии называется «не неправильным, частично правильным или приемлемым» образованием, подобным образом можно квалифицировать большинство из английских префиксальных образований данной таблицы.

В английском языке такие «частично правильные» лексемы могут являться окказионализмами, используемыми в качестве стилистического приема, либо иметь специальные пометы в словарных статьях. Для иллюстрации можно привести не вошедшие в шортлист, но также употребительные лексемы *ugly, cool*, чьи отрицательные производные маркируются как редкое *unugly* или сленговое как при лексикографировании *uncool*.

Особого внимания заслуживает *ungood*, обсуждавшееся выше как несуществующее. Фактически, в системе английского языка на более ранних этапах такое отрицательное производное было востребовано, оно отмечено в древнеанглийском *ingōd*, в среднеанглийском *ungod*. Потребность в префиксальном антониме *good* могла быть элиминирована рядом причин, возможно, в том числе, и тенденцией к выраженной экспликации основных оппозитивных отношений. Таким образом, *ungood* подверглось эрозии в развитии естественного языка, но испытало некоторое возрождение благодаря знаковому появлению в вымышленном языке, придуманном в романе-антиутопии Джорджем Оруэллом «1984», где *ungood* стало символом программирования мышления и способов его вербализации. По мнению конструирующих язык, именно таким нарочитым образованием можно выразить прямую противоположность *good*, а не с помо-

щью *bad*. Другой интересный в контексте нашего исследования пример из данного произведения *person: unperson*, который не подходит ни под одну категорию антонимов. *Unperson* сублимирует расчеловечивание, забвение, ирреальность реально существовавшего человека. При прямом переводе с английского языка на осетинский авторская интенция сохраняется и даже усиливается, т. к. в отличие от русского, где слова *нехороший* и *нечеловек, нелюдь* не могут вызывать отторжения своей обычностью и нормальностью, в осетинском можно передать идею насильственности воздействия на сознание несуществующими в языке конструктами **æдзæбæх*, **æнæадæймаг*.

Для примеров аффиксальных антонимов русского языка возможно обсуждать степень синонимичности или градуированности признака *хороший > неплохой*, или *нехороший < плохой*. Некатегоричность отрицания ведет к образованию синонимических рядов префиксальных производных, отрицающих разное качество: *нехолодный=негорячий=нетеплый=непрохладный*.

В осетинском материале для объективности анализа можно оставить дискуссионными три слова с инициальным *æ-*: *æнцон* (8), *æвзонг* (10), *æвзæр* (13). В отсутствии надежной этимологии, допустимо, что *æ-* является рефлексом префикса отрицательности прежней деривации, подобно тому как, в английском языке в заимствованном *enemy* романский отрицательный префикс переосмыслен как часть корня. В таком случае, неприродность этих лексем относительная, как и их расположение в соответствующей колонке ввиду их морфологической нечленности на современном этапе развития.

В группе частотных прилагательных осетинского языка фиксируется только один пример аффиксальной антонимии: *тых: æдых* «слабый, бессильный, немощ-

ный». Однако, о неслучайности нарушения отмеченной закономерности для частотных слов осетинского языка свидетельствует то, что и синонимичное существительному *тых* «сила, мощь, энергия» достаточно употребительное слово *хъару* «сила, энергия, доблесть» тоже имеет префиксальный антоним *æнахъару* «бессильный, слабый, слабосильный, немощный; вялый, неэнергичный, бездеятельный».

Вторая маркированная лексема *æввид* «благополучный, безаварийный, невредимый» должна обсуждаться в данном контексте с определенной оговоркой. Более частотным для атрибуции плохого, дурного является прилагательное *æвзæр*, у которого нет однокоренного антонима. В. И. Абаев считает, что чаще сравнительная степень образуется от прилагательного *фыд*, а не *æвзæр*, более привычного в положительной степени сравнения [27, 489-490]. Данный пример *æввид* важен тем, что он нарушает и другую закономерность: в рассматриваемых языках чаще отрицается позитивный признак.

Список из приводимых 20 слов достаточно репрезентативный и дает представление об обратной пропорциональной зависимости между частотностью и способностью к отрицательной префиксации самых употребительных прилагательных осетинского и английского языков.

В свете абсолютной валентности русского *не-*, можно отметить некоторую искусственность образований типа **нечудесный*, **непрекрасный*. Возможно, абсолютная превосходность семантики производного прилагательного блокирует словообразовательный потенциал *не-*, как и превосходность морфологическая **не-наи-лучший*, (хотя можно *не наилучшим образом*), **не-наи-худший* **не-наи-прекрасный*, **не-рас-прекрасный*. Это сопоставимо с английским окказионализмом *unbeautiful*, признаваемым необычным словом (an unusual word).

Во всех трех языках есть префиксы – интернационализмы, но ни в одном языке у них не фиксируется деривационная продуктивность. В английском отмечен ряд отрицательных префиксов, из них только *non-*, *in-*, *mis-* являются германскими аффиксами отрицания. Несмотря на то, что этимологическая информация редко является действительным критерием для синхронной характеристики словообразовательных процессов [28, 801], данное обстоятельство может поставить вопрос о корреляции продуктивности словообразовательного элемента и его происхождения, по крайней мере, в отношении отрицательного словопроизводства.

Большинство слов с романскими аффиксами не являются продуктами, собственно, английской системы словообразования, попав в язык уже имея в своем составе отрицательный аффикс. В осетинский они также заимствуются как префиксальные образования: *аморалон*, *дезорганизацци*, кроме того, для осетинского языком-посредником выступает обычно русский язык.

Существенным отличием от, например, префиксации в русском и английском языках, где присоединение префиксов обычно не меняет принадлежности слова к части речи, является то, что в осетинском языке возможен переход производного слова в другую часть речи. Допустимо, что результатом префиксации также становится существительное, но впоследствии по конверсии оно становится и прилагательным: *+гад* «1.бесчестье, позор, бесславие; 2.позорный, бесславный, презираемый, непочтенный, ненужный, неценный, недорогой» [12, 324]. Однако в большинстве случаев следует констатировать изменение морфологического разряда в отсутствии существительного.

Формант *ма-* служит префиксом в основном отрицательных наречий и местоимений, но есть и *ма-гуса* и *ма-дзура*,

которые можно расценивать как сложные слова синтаксического типа, то есть *ма-* не префикс, а частица при глаголе. В.И. Абаев считает *ма-* «запретительной частицей при глаголе в императиве, конъюнктиве и опплативе» [16, 60-61]. У нее выраженная способность образовывать местоимения и наречия, окказионально, вернее в двух зафиксированных случаях для образования существительного или прилагательного. Причем независимо от того, является ли она словообразовательным формантом или частицей она сигнализирует не изъявительное наклонение. Для наглядности рассуждения о синтаксической природе данных образований формально можно сопоставить эти два слова *ма-гуса* и *ма-дзура* с русским *нечисть*, где второй элемент *-чисть* похож на императив из приказа «не чисть!» Предполагаем, что в русском примере это грамматическая омонимия, а *-исть* как *зав-исть*, *ненав-исть* являются специальными словообразовательными аффиксами.

В данных примерах *ма-гуса* и *ма-дзура*, как и в русских *нечисть* и *нелюдь*, обращает на себя внимание перенос ударения на отрицательный элемент, это представляется просодическим способом усиления инвективности, порицаемости. В английском это сопоставимо с прилагательными *famous: infamous*, которые не образуют оппозицию «известный»: «неизвестный» в следствие того, что маркированный член оппозиции с ударением на префикс приобретает выраженную отрицательную коннотацию: «позорный, постыдный, бесславный; печально известный, пресловутый; бесчестный, гнусный». Такие примеры единичны.

Можно во всех трех языках найти примеры, когда маркированное отрицательным префиксом слово не имеет антонимическую производную основу – *безвозмездный* **возмездный*, *нелепый* и **лепый*, *аэдзæм* и **дзæм/цæм*. Это можно

рассматривать как большую жизнеспособность основ в составе производных слов.

Кроме того, в терминах сходства, можно обсуждать то, что большинство производящих основ имеет позитивную коннотацию, соответственно, отрицается положительное качество, наглядно это можно описать в терминах взаимодействия двух магнитов, у которых, как известно, одинаковые полюса отталкиваются, а противоположные притягиваются. Особенно последовательно это прослеживается в осетинском языке, где списки слов с отрицательными формантами носят предельный характер. Пример прилагательного *æввид*, который обсуждался в контексте нарушения отмеченной выше закономерности о практически абсолютной неспособности оценочных прилагательных и самых частотных единиц осетинского языка подвергаться отрицательной деривации, интересен и тем, что у производящей основы выраженная отрицательная коннотация, тогда как отрицательный формант регулярно присоединяется к основе, имеющей положительную коннотацию.

Менее продуктивную и активную систему префиксации в осетинском, по сравнению с английским и русским языками, не следует, на наш взгляд, обсуждать в терминах оценочности. Гораздо более плодотворным представляется сопоставление для поиска причинно-следственных закономерностей, принципов категоризации познавательного процесса и формирования знаний. Такое сопоставление может дать представление не только о ретроспективном становлении языковых категорий, но и о возможных алгоритмах проспективного развития в любом из рассматриваемых языков. Преобладание разнокорневой антонимии в осетинском языке, сопоставимой с высокочастотной группой прилагательных в английском

языке, корреляция между частотностью употребления и неспособностью к отрицательной префиксации в двух языках может являться языковой репрезентацией категоричности оппозиционного мышления. В осетинском отмеченная закономерность распространяется и на менее частотные прилагательные, тогда как в английском есть выраженная контрастность между самыми частотными и остальными группами лексем. Фиксируется регулярность отрицания положительного признака в осетинском,

в английском это также прослеживается, что нерелевантно для русского языка, где отрицательная деривация носит абсолютный характер и не зависит от коннотации производящей основы. Отдельные случаи отсутствия немаркированных производящих основ дают основания для осторожного предположения о некоторой резистентности к эрозии отрицательно маркированных слов.

Отмеченные черты сходства и различия следует обсуждать в терминах универсального и этноязыковой специфики.

1. *Нещименко Г. П.* О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987. С. 62-73.

2. *Каргаева Т. А.* Сравнительно-сопоставительный анализ имен прилагательных по значению в русском и осетинском языках. Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 363-370.

3. *Кудзоева А. Ф., Чангизи Эхсан, Абдоллахи Муса.* Простые глаголы в осетинском и персидском языках в сравнительно-сопоставительном аспекте. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 11. С. 3655-3663.

4. *Таучелова Р. И., Цаликова М. А., Кобесашивили Н. Л., Бекоева М. Т.* Лексические средства оформления семантики контраста в русском, осетинском, немецком и грузинском языках // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 612-616.

5. *Зеленская Л. Л.* Сопоставительно-типологическое исследование словообразовательных систем английского, осетинского и русского языков (на примере словообразования с отрицательными аффиксами): Дисс. ... канд. филолог. наук. М., 1984. 205 с.

6. *Выдрин А. П.* Превербы в осетинском языке: взаимодействие с категорией времени // Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие. Материалы докладов (Санкт-Петербург, 22-24 сентября 2016 г.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 9-15.

7. *Цопанова Р. Г.* Стилистическая характеристика префиксальных глаголов осетинского языка. // Инновационная деятельность педагога: традиции и современность: Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. А. Гуриевой. Владикавказ, 2022. С. 80-85.

8. *Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б.* Специфика словообразовательной категории наименования лица в осетинском языке // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. (электронный ресурс). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13685>

9. *Шегрен А. М.* Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 976 с.

10. *Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе. Сев.-Осет. кн. изд-во, 1959. 168 с.
11. *Габараев Н. Я.* Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба. 1977. 174 с.
12. Ирон-уырыссаг дзырдугат/Сост. Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева. Владикавказ, СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. Т. 1. 679 с. (на осет. яз.).
13. Ирон-уырыссаг дзырдугат/Сост. Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева. Владикавказ, СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018. Т. 3. 720 с. (на осет. яз.).
14. Ирон-уырыссаг дзырдугат/Сост. Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева. Владикавказ, СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. Т. 4. 749 с. (на осет. яз.).
15. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки // Под ред. В. И. Абаева, М. Н. Боголюбова, В. С. Расторгуевой. М., 1981. 544 с.
16. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: Наука, 1973. Т. II. 451 с.
17. *Цаллагова И. Н.* О формировании словообразовательной системы в осетинском языкознании // Известия СОИГСИ. 2022. Вып. 44 (83). С. 95-101.
18. *Улуханов, И. С.* Словообразование. Морфонология. Лексикология. М.: Логос, 2012. 600 с.
19. *Zimmer, K. E.* Affixal Negation in English and Other Languages: An Investigation of Restricted Productivity. New York: Linguistic Circle of New York, 1964. 105 p.
20. *Funk, W.-P.* Adjectives with negative affixes in Modern English and the problem of synonymy // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 1971. No. 19 (4). P. 364-386.
21. *Lieber, R.* English word-formation processes. Observations, issues, and thoughts on future research // Štekauer, P. and R. Lieber (eds.), Handbook of wordformation. Dordrecht: Springer. 2005. Pp. 375-427.
22. Словарь антонимов русского языка // Под ред. Л. А. Новикова. М. Русский язык. 1984. 385 с.
23. Dictionary of English Synonyms and Antonyms/Ed. by Fergusson R. London: Penguin Books. 1986. 442 p.
24. Webster's New Twentieth Century Dictionary. India. Saraswati House. 1984. 1824 p.
25. *Бесолова Е. Б.* Словарь антонимов осетинского языка Владикавказ. Ир. 1991. 160 с. (на осет. яз.)
26. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
27. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. – Л.: АН СССР. 1958. Т. I. 659 с.
28. *Cartoni, B., Lefter, M.-A.* Negation and lexical morphology across languages: insights from a trilingual translation corpus // Poznan Studies in Contemporary Linguistics, 2011. Vol. 47. No. 4. Pp. 795-843.

Gutieva, Elmira T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); gutieva@list.ru

SPECIFICS OF THE WORD-FORMATION VALENCY OF NEGATIVE FORMANTS.

Keywords: word-formation, prefixation, negative formant, the Ossetian language, derivational valency of a prefix, the Russian language, the English language.

The article is devoted to comparative analysis of the types of word formation with the help of negative formants in the Ossetian, Russian and English languages. Such comparison allows us to single out as distinctive features of Ossetian word formation: the limited productivity of prefixation of nominal parts of speech, which is significantly lower than in the other two languages under consideration; limited productivity of negative derivational formants, as a result of which there is a small number of derivational antonymic pairs. It has been established, that in the group of the most frequent adjectives in the Ossetian and English languages there is a limited prefix productivity and a predominance of antonyms with different roots; on this basis, these languages are opposed to Russian, in which the negative prefix has almost unlimited valency. Some resistance to erosion of negatively marked words was noted, which manifests itself in the absence of unmarked generating bases. Derivational antonymy is accompanied by semantic asymmetry between related units. The correlation between the high frequency of use and the inability to negative prefixation was noted in the Ossetian and English languages, in Ossetian, as a result, heterogeneous antonymy prevails in the group of high-frequency adjectives. The regularity of the negation of a positive base in Ossetian is noted, in English this is also traced, which is irrelevant for the Russian language, where the negative derivation is absolute irrespective of the connotation of a base. For the Ossetian language, an exhaustive nomenclature of negative formants and a clarification of their status are advanced. Linguistic arguments are given for highlighting the chronological layers of derivation with the help of prepositive formants, which are currently unproductive.

For citation: Gutieva, E. T. Specifics of the word-formation valency of negative formants // *IzG vestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 48 (87). Pp. 108-122. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.005

References

1. Neshimenko, G. P. *O nekotorykh aspektakh derivatsionnogo sinteza pri sopostavitel'nom izuchenii slavyanskikh yazykov* [On some aspects of derivational synthesis in the comparative study of Slavic languages]. *Sopostavitel'noye izucheniye slovoobrazovaniya slavyanskikh yazykov* [Comparative study of word formation in Slavic languages]. Moscow, 1987, pp. 62-73.
2. Kargaeva, T. A. *Sopostavitel'nyy analiz imen prilagatel'nykh po znacheniyu v russkom i osetinskom yazykakh* [Comparative analysis of adjectives by meaning in Russian and Ossetian languages]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2013, no. 1, pp. 363-370.
3. Kudzoeva A. F., et al. *Prostyye glagoly v osetinskom i persidskom yazykakh v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte* [Simple verbs in the Ossetian and Persian languages in a comparative aspect]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2022, vol. 15, iss. 11. pp. 3655-3663.
4. Tauchelova, R. I., et al. *Leksicheskiye sredstva oformleniya semantiki kontrasta v russkom, osetinskom, nemetskom i gruzinskom yazykakh* [Lexical means of designing, semantics in Russian, Ossetian, German and Georgian]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2022, no. 6 (97), pp. 612-616.
5. Zelenskaya, L. L. *Sopostavitel'no-tipologicheskoye issledovaniye slovoobrazovatel'nykh sistem angliyskogo, osetinskogo i russkogo yazykov (na primere slovoobrazovaniya s otritsatel'nymi affiksami)* [Comparative and typological study of the word-formation systems of the English, Ossetian and Russian languages (on the example of word-formation with negative affixes)]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Moscow, 1984. 205 p.
6. Vydrin, A. P. *Preverby v osetinskom yazyke: vzaimodeystviye s kategoriyey vremeni* [Preverbs in the Ossetian language: interaction with the category of time]. *Grammaticheskiye kategorii v yazykakh mira: iyerarkhiya i vzaimodeystviye. Materialy dokladov (Sankt-Peterburg, 22-24 sentyabrya)* [Grammatical categories in the languages of the world: hierarchy and in-

teraction. Reports (St. Petersburg, September 22-24, 2016)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2016, pp. 9-15.

7. Tsopanova, R. G. *Stilisticheskaya kharakteristika prefiksalykh glagolov osetinskogo yazyka* [Stylistic characteristics of prefixed verbs of the Ossetian language]. *Innovatsionnaya deyatel'nost' pedagoga: Traditsii i sovremennost'. Sbornik materialov I Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. A. Guriyevoi* [Innovative Activity of the Teacher: Traditions and Modernity Collection of materials of the I All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of M. A. Gurieva]. Vladikavkaz, 2022, pp. 80-85.

8. Parsieva, L. K., Gatsalova, L. B. *Spetsifika slovoobrazovatel'noy kategorii naimenovaniya litsa v osetinskom yazyke* [The specificity of the word-formation category of the name of a person in the Ossetian language]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2014, no. 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13685>

9. Shegren, A. M. *Osetinskaya grammatika, s kratkim slovarem osetinsko-rossiyskim i rossiysko-osetinskim*. [Ossetian grammar, with a short dictionary of Ossetian-Russian and Russian-Ossetian]. Moscow, IMLI RAN, 2010. 976 p.

10. Abaev, V. I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Grammatical sketch of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1959. 168 p.

11. Gabaraev, N. Ya. *Morfologicheskaya struktura slova i slovoobrazovaniye v sovremennom osetinskom yazyke*. [Morphological structure of the word and word formation in the modern Ossetian language]. Tbilisi: Metsniereba. 1977. 174 p.

12. Guriev, T. A., Gutieva, E. T. (comps). *Iron-uryssag dzyrduat* [Ossetian-Russian Dictionary]. Vladikavkaz, SOIGSI VNTs RAN, 2016, vol. 1. (in Ossetian). 679 p.

13. Guriev, T. A., Gutieva, E. T. (comps). *Iron-uryssag dzyrduat* [Ossetian-Russian Dictionary]. Vladikavkaz, SOIGSI VNTs RAN, 2018, vol. 3. (in Ossetian). 720 p.

14. Guriev, T. A., Gutieva, E. T. (comps). *Iron-uryssag dzyrduat* [Ossetian-Russian Dictionary]. Vladikavkaz, SOIGSI VNTs RAN, 2018, vol. 4. (in Ossetian). 749 p.

15. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Sredneiranskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian Linguistics. Middle Iranian languages]. Moscow, 1981. 544 p.

16. Abaev, V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka*. [Historical etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow – Leningrad, Nauka, 1973, vol. II. 451 p.

17. Tsallagova, I. N. *O formirovanii slovoobrazovatel'noi sistemy v osetinskom yazykoznanii* [On the formation of a word-formation system in Ossetian linguistics]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2022, iss. 44 (83), pp. 95-101.

18. Ulukhanov, I. S. *Slovoobrazovaniye. Morfonologiya. Leksikologiya* [Word formation. Morphology. Lexicology]. Moscow, Logos, 2012. 600 p.

19. Zimmer, K. E. *Affixal Negation in English and Other Languages: An Investigation of Restricted Productivity*. New York, Linguistic Circle of New York, 1964. 105 p.

20. Funk, W. P. *Adjectives with negative affixes in Modern English and the problem of synonymy*. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 1971, no. 19 (4), pp. 364-386.

21. Lieber, R. *English word-formation processes. Observations, issues, and thoughts on future research*. Štekauer, P. and R. Lieber (eds.). *Handbook of wordformation*. Dordrecht, Springer, 2005, pp. 375-427.

22. Novikov, L. A. (ed.). *Slovar antonymov russkogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk, 1984. 385 p.

23. Fergusson, R. (ed.). Dictionary of English Synonyms and Antonyms. London, Penguin Books, 1986. 442 p.
24. Webster's New Twentieth Century Dictionary. India, Saraswati House, 1984. 1824 p.
25. Besolova, E. B. *Slovar' antonimov osetinskogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Ossetian language]. Vladikavkaz, Ir, 1991. 160 p. (in Ossetian).
26. Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (based on the materials of the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow, Azbukovnik, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
27. Abaev, V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow – Leningrad, Nauka, 1957, vol. I. 655 p.
28. Cartoni, B., Lefer, M.-A. Negation and lexical morphology across languages: insights from a trilingual translation corpus. *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*, 2011, vol. 47, no. 4, pp. 795-843.